

В.Н. ДЁМИН,
доктор философских наук, член Союза писателей России

ВАРЯГИ — ПОСЛЕДНИЕ ПАССИОНАРИИ СЕВЕРА

"Варяжский вопрос" — центральное ядро бесславной "норманской теории", которая вот уже более двух с половиной веков тщится вывести русскую историю из иноземной. Чести исторической науке это не доставило, зато привело к беспросветному тупику. Выход в таких случаях предельно прост — по аналогии с гордиевым узлом: развязать его нельзя, зато можно разрубить. Ибо обе стороны — норманисты и антинорманисты — оказались в плену одной и той же схемы: самим собой разумеющимся считается, что русские варяги — всего лишь другое название скандинавских викингов (норманнов), которые говорили либо на шведском, либо на норвежском языках (иногда допускается датский вариант). Отсюда повторенный несколько раз в "Повести временных лет" пассаж "варяги = русь" ("зваху тьи варязи русь") привел к цепочке нелепейших даже с точки зрения здравого смысла умозаключений. Дескать, ежели варяги — это скандинавы, то и "русь" (племя ли, прозвище, данное соседями, или территория — не важно) — ну, просто обязана иметь скандинавское происхождение. И начались достойные детективного романа поиски этой самой полумифической "руси" среди шведов, норвегов и финнов.

А почему, собственно? Откуда вообще следует, что варяги — скандинавы? Ведь в знаменитом фрагменте Начальной летописи о призвании Рюрика с братьями утверждается только, что варяги прозывались русью в смысле этнической и языковой принадлежности и от них пошло название Руси как государства ("от тех варягъ прозвася Русская земля"). И ни слова о скандинавских корнях (то, что варяги "из-за моря" или из Заморья, трактовать можно по-разному, о чем — далее). Зато в Несторовой летописи энергично подчеркивается: русский язык — славянский, а славяне-новгородцы род свой ведут от варягов ("ти суть людье *ноугородьци от рода варяжьска*, прежде бо беша словени"). Исключительно важное свидетельство, но на него историки почему-то внимания не обращают. А зря! Здесь ведь черным по белому прописано: род варяжский изначально был славянским и варяги вместе с новгородцами говорили на русском языке! Ибо в противном случае получится, что население Великого Новгорода (оно ведь "от рода варяжского") и до призвания Рюрика, и в дальнейшем, надо полагать, пользовалось одним из скандинавских языков (если, конечно, придерживаться тупиковой формулы "варяги = скандинавы"). Абсурд? В самом деле — другого слова не подберешь!

Почему Нестор-летописец, перечисляя через запятую "потомство Иафетово": варяги, шведы, норвеги, готы, русь, англй, галичане, волохи, римляне, немцы, венецианцы и прочие, — не объявляет варягов шведами или норвегами (хотя в летописном перечне они названы раньше руси) и не утверждает, что варяги говорили по-шведски или по-норвежски? Да потому, что для русского летописца, как и для всех русских людей той эпохи, было абсолютно ясно: варяги — никакие не шведы и не норвеги, а такие же русские, как они сами — коль скоро даже переводчиков для общения не требовалось. Но то, что было самоочевидным еще в XII веке для Нестора и его современников, впоследствии оказалось камнем преткновения для большинства читателей и исследователей "Повести временных лет".

Не для всех, безусловно. Еще Михайло Ломоносов в яростном споре с немецкими норманистами-русофобами, подвязавшимися в Российской академии наук (с них-то всё и началось), указывал на отсутствие в русском языке хоть каких-то варяжских слов. Как прикажете понимать: многовековые и теснейшие контакты между двумя этносами, путь "из варяг в греки" через всю Россию, варяжские князья, варяжская династия, варяжская дружина, варяжские гости (купцы), около двух тысяч варяжских курганов-могил под Смоленском, в Гнёздово (где, наряду с вещами скандинавского происхождения, найдена

самая древняя из известных пока русских надписей, начертанная на глиняном горшке) — а никаких собственно варяжских слов не сохранилось. Даже хазары лексическую память оставили (Владимир-князь в "Слове о законе и благодати" именуется *каганом*), не говоря уж о татаро-монгольском нашествии. В русском языке уйма полонизмов, заимствований из немецкого, французского, английского, многих других языков — и вдруг ни одного варяжского слова.

Ответ на вопрос, заданный Ломоносовым, напрашивался сам собой: никакого собственно варяжского языка, тем более из числа скандинавских, никогда и в помине не было. Ибо варяги — это русь, но не в смысле принадлежности какому-то неведомому иноземному племени (как безуспешно силились доказать норманисты), а в смысле славяно-русского происхождения их самих и языка, на котором они говорили. Впервые эта мысль достаточно внятно была сформулирована страстным антинорманистом Юрием Ивановичем Венелиным (1802—1839): «Русь или руссы, — писал он — как народ норманский, скандинавский, никогда не существовал, и есть только плод жалкого толкования, или фантастического произведения некоторых изыскателей. Не поняли Нестора! Да еще как не поняли!» И приводил в пользу данного тезиса неотразимые доводы.

Аргументацию Венелина в дальнейшем развил историк-антинорманист, руководитель археологической комиссии и императорских театров, под конец жизни — директор Эрмитажа Степан Александрович Гедеонов (1815—1878) в капитальном 2-томном труде "Варяги и Русь" (СПб., 1876). Здесь варяги были однозначно отнесены не к германоязычным норманнам, а к прибалтийским славянам-ваграм, истребленным в ходе жесточайшей экспансии крестоносцев. В поисках истины Гедеонов был на верном пути, он правильно интерпретировал утверждение Начальной летописи о рускости варягов и славяности их языка. Требовалось однако понять, почему варяги сыграли столь выдающуюся роль в мировой истории — причем не разрушительную, а созидательную и объединительную. Такая задача под силу только энергонесущей популяции, сплоченному сообществу целеустремленных людей, которых Лев Гумилев, развивая учение Вернадского о биосфере, поименовал *пассионариями*. Наделенные мощным энергетическим потенциалом и повышенной активностью, они по природе своей обречены были быть вожатыми, воодушевляя доверившиеся им народные массы на уготовленные им подвиги и волею судеб становясь движущей силой исторического прогресса. Такие никогда бы не позволили вырезать себя, подобно беззащитным овцам, как это случилось с балтийскими славянами.

Конечно, можно назвать варягов и племенем, но с достаточной долей условности. Скорее всего, они представляли собой особое воинское братство — прообраз будущих рыцарских орденов. Жили в основном на побережье Балтийского (Варяжского) моря, летопись однако говорит о Заморье, а таковым вполне могли быть и арктические территории Ледовитого океана, находящиеся по отношению к европейской России севернее Балтики и Беломорья. Были варяги хорошо организованы, обладали богатым опытом во всех областях хозяйственной жизни, торговли, государственного управления и особенно — воинского искусства. Потому-то и обратились в 862-м году новгородцы к Рюрику с братьями, как бы сказали сейчас, за организационной помощью. И русские варяги быстро и охотно откликнулись, а затем плодотворно поучаствовали в становлении Руси и российской государственности.

В дальнейшем последние пассионарии Севера как-то незаметно и без излишнего шума исчезли с горизонта отечественной истории. Ибо перешли на службу византийским императорам, где составили костяк дворцовой гвардии. Варяжская дружина насчитывая подчас до шести тысяч стойких витязей и отменных рубак. Благодаря им византийское войско одержало немало жизненно важных побед. Показательно и другое: в Царьграде варягов всегда считали русскими и только русскими. Безусловно, значились в составе русско-варяжского войска и скандинавы, но, как нынче принято выражаться, на контрактной основе. Кстати, европейские норманны никогда себя варягами не называли и становились

такowymi, только вступая в русскую варяжскую дружину; когда срок контракта истекал, они вновь становились викингами. Так что тесное взаимодействие между варягами и скандинавами, безусловно, было, но кто на кого больше влиял — еще вопрос. То же относится и к так называемым скандинавским заимствованиям. Да, в одежде, оружии, культовых предметах, утвари, украшениях, открытых археологами, много варяжской специфики. Вот только почему обязательно ее считать скандинавской. Почему бы не рассмотреть совершенно другой вариант — заимствования скандинавами достижений более развитой варяжской культуры.

Ведь когда дотошные греки спрашивали наших соотечественников, служивших в императорской гвардии: "Откуда вы, варяги?", — те, не задумываясь, отвечали: "Из Тулы..." Ничего себе ответец, если вдуматься. Впрочем, под Тулой подразумевался вовсе не город в центральной части России, а древняя Гиперборея, по другому — Тулэ. Именно так именуется таинственная полярная страна в знаменитой "Географии" Страбона и сочинениях других древних авторов. Византийцы говорили об "огромном острове Тула", расположенном посреди Ледовитого океана. Корень в его названии общий с именем русского города, но не его одного. Например, древняя столица центральноамериканской империи тольтеков тоже звалась Тула. Топонимы с корнем «тул» вообще имеют чрезвычайное распространение: города Тулон и Тулуза во Франции, Тульча — в Румынии, Тульчин — на Украине, Тулымский камень (хребет) — на Северном Урале, река в Мурманской области — Тулома, озеро в Карелии — Тулос.

Согласно Словарю Владимира Даля, понятие «тула» — это «скрытое, недоступное, потаённое место» — «затулье», «притулье» («тулить» — укрывать, скрывать, прятать и т.п.). Есть и другие русские слова с этим корнем: «туло, туловище» — тело без учета головы, рук и ног (отсюда же — «тулуп»); «туло́» — колчан в виде трубки, где хранятся стрелы (отсюда — «втулка»). Производными от той же корневой основы в русском языке являются слова: «тыл» — затылок и вообще — задняя часть чего-либо, «тло» — основание, дно (в современном языке сохранилось устойчивое словосочетание «до тла»); «тлеть» — гнить или чуть заметно гореть и т.д.

О значении и этимологии слова "варяг" также высказывались самые различные предположения. В русском языке (см. опять же Словарь В.Даля) «варяг» — «мелкий торговец», «разносчик товара», синоним «офени» и «коробейника» (в украинском языке слово «воряг» означает еще и «борца», «крепкого рослого человека»). В несколько ином звучании — «варяга» — слово означает: «проворный», «бойкий», «расторопный» (человек). Поэтому вовсе нет никаких оснований настаивать на иноземном происхождении слова «варяг», которое еще недавно означало «торгового гостя», «купца». В этом смысле классическими былинными варягами были новгородский Садко и Соловей Будимирович.

Но можно пойти еще дальше. В "Этимологическом словаре русского языка" М.Фасмера дается одно весьма любопытное разъяснение слова "варяг". Оказывается в прошлом у него был синоним — "кълбгъ" (оно употребляется в пространной редакции «Русской Правды», датируемой XII веком), означавший "варяг — член союза [братства]". В общем-то, это совпадает с истолкованием варягов не как этноса, а как социума. Но можно пойти еще дальше. В "Этимологическом словаре русского языка" М.Фасмера дается одно весьма любопытное разъяснение слова "варяг". Оказывается в прошлом у него был синоним — "кълбгъ" (оно употребляется в пространной редакции «Русской Правды», датируемой XII веком), означавший "варяг — член союза [братства]". В общем-то, это совпадает с истолкованием варягов не как этноса, а как социума.

Так, может быть, русские варяги, даже в самоназвании которых содержится намек на древнейшие арийские корни, и есть последние гиперборейцы, хранители традиций погибшей арктической прародины? Недаром ведь на побережье Ледовитого океана сохранились топонимические следы былого и длительного пребывания здесь варягов. Это — Варангский залив (Варангер-фиорд), омывающий с запада российский полуостров Рыбачий и норвежский полуостров Варангер. Между прочим следующий на запад залив именуется Яр-фиордом: первая часть искусственного слова чисто русская и, скорее всего, связана с именем языческого Солнцебога Ярилы. Это, по всей вероятности, и есть то Заморье (или его часть), о котором говорится в русских летописях. По существу же Варангский = Варяжский = Гиперборейский. Так, может быть, в социальной структуре варяжского воинского братства (ордена) отчасти сохранились и архаичные черты древнеарийского кастового сословия. Так, может быть, в социальной структуре варяжского воинского братства (ордена) отчасти сохранились и архаичные черты древнеарийского кастового сословия.

Корни Руси уходят в недостижимые глубины индоевропейского прошлого. Оно зародилось, пережило расцвет, катастрофические потрясения и упадок на Севере, где климат в те времена был иным, нежели теперь. Постепенно мигрировали на юг из-за неблагоприятных условий жизни многие индоевропейские прапредки современных этносов (индийцев, иранцев, греков, испанцев, итальянцев, армян, осетин и др). Ближе к северным широтам обосновалась часть славян, из которых впоследствии вычленилась и русская нация. Варяги — последние пассионарии Севера — промелькнувшие на евразийском небосклоне, как сияющий болид, оставили после себя неизгладимый след в русской истории!

Постскриптум. Когда данная статья была полностью завершена, а главные ее моменты получили отражение на страницах моей новой книги "Загадки Русского Севера" (М., 1999) и в журнальной статье «Варяги — русские витязи Севера» (Мир Севера. 1999. № 3-4) [ранее этимологическая сторона освещалась в другой моей книге — "Тайны руссколо народа" (М., 1997)], — вышел в свет сборник антинорманистских работ "Русь и Варяги" (М., 1999) в серии "Подлинная история русского народа", издаваемой Ю.Д.Петуховым. В определенной степени он дополняет опубликованную годом раньше обширную подборку текстов русских ученых по "варяжскому вопросу", включенных в весьма содержательную и продуманную хрестоматию "Славяне и Русь: проблемы и идеи" (М., 1998) (составлена и обстоятельно прокомментирована А.Г.Кузьминым). Здесь представлены наиболее показательные отрывки из трудов выдающихся отечественных ученых почти за два с половиной века — от В.Н.Татищева до Б.А.Рыбакова и О.Н.Трубачева.

В свою очередь, в новом (и надо полагать, не последнем) сборнике учтены самые последние выступления норманистов, число коих множится, как грибы после дождя. Не может не порадовать тот пафос и задор, с которым разоблачаются выдаваемые за научные новации замшелые норманистские штудии в статье Н.И.Васильевой "Русь и Варяги", давшей название всему сборнику и составляющей две трети его объема (по существу это целая книга) и которую вполне можно отнести к ныне почти забытому обличительно-инвективному жанру. На десятках скрупулезно проанализированных примерах (практически учтена вся новейшая литература) автор убедительно доказывает, что как бы не изошрялись ультрасовременные норманисты, все их потуги не представляют абсолютно ничего нового, а являются прямыми перепевами давно развенчанных гипотез "отцов норманизма", тевтонской троицы из петербургской "Академии-де-Сиянс" Байера—Миллера—Шлёттера, хотя их верные оруженосцы и последователи почему-то стесняются ссылаться на своих духовных вдохновителей. Не потому ли, что возникновение "норманской теории" совпало с одной из самых мрачных и трагичных эпох в российской истории — *бирановщины*, по существу явилось ее прямым порождением и идеологическим слепком?

С самого момента своего появления на небосклоне отечественной науки норманизм отмечен печатью самого беспросветного мракобесия. Подавление любого свободомыслия, костоломные приемы в борьбе с оппонентами, аргументы "дыбы и плахи" — главные отличительные черты бироновщины во всех сферах тогдашней жизни. Всесильный временщик лично поддерживал и поощрял деятельность академика Готлиба Зигфрида Байера (1694—1738) — автора первого "норманистского манифеста", опубликованного в 1735 году, то есть в самый разгар бироновского беспредела. Потому-то норманизм — и в прошлом, и в настоящем, и в обозримом будущем — по истокам своим, природе, подлинной сути и методам расправы с инакомыслящими остается тем, чем он был с самого начала — **духовной бироновщиной**. Курляндский герцог — зловещий ненавистник всего русского — давно исчез из российского бытия, но дело его живо: разбросанные повсюду семена чертополоха по-прежнему дают обильные всходы.

Но вернемся к содержанию сборника "Русь и Варяги". Помимо упомянутой работы Н.И.Васильевой, здесь помещены еще статьи четырех авторов, в числе которых И.В.Ташкинов, Н.А.Морозов и Ю.Д.Петухов. Отрадное впечатление оставляет статья А.Елисеева "Древние русы: народ и каста", где сформулировано положение о наличии у древних славян кастово-сословных признаков, восходящих к общеарийской эпохе; при этом автор считает, что к особой воинской прослойке — прототипу будущего казачества — следует отнести проторусский этнос в целом, включая, видимо, и варягов, о которых в данной конкретной связи почему-то ничего не говорится. В целом авторы сборника отстаивают славяно-балтийскую и славяно-черноморскую версии происхождения варягов. Такой подход нуждается в некотором уточнении. Да, к моменту своего "призвания" в Великий Новгород русские варяги (или варяги-русь, что одно и то же) жили на обширных балтийских территориях. Но, во-первых, сказанное не означает, что варяги обитали здесь **всегда**, и картина конца 1-го тысячелетия совсем не обязана совпадать с картиной его начала, не говоря уже о более ранних временах. Во-вторых, народная память сохранила сведения не о балтийской, а о приднепровской родословной Рюрика. Факт русского происхождения его имени опирается на северные предания, согласно которым подлинное имя Рюрика было Юрик и явился он в Новгород из Приднепровья. Новгородцы «залюбили» его за ум-разум и согласились, чтобы он стал «хозяином» в Новгороде. (Р)Юрик наложил на каждого новгородца поначалу небольшую дань, но затем стал постепенно ее увеличивать, пока не сделал ее невыносимой (что впоследствии усугублялось с каждым новым правителем). Эту удивительную и важнейшую для понимания русской истории легенду записал и опубликовал в конце 70-х годов XIX века известный собиратель северного фольклора Елпидифор Васильевич Барсов (1836—1917).

Достаточно симптоматично и то, что пресловутая "варяжская проблема" в очередной раз выдвигается на передний план научных и околонучных дискуссий, а ее метастазы глубоко проникли в энциклопедии, справочники, школьные учебники и даже детские комиксы. Ибо норманизм — никакая не наука в подлинном смысле данного слова, а идеология чистой воды. Она, как мутная пена, каждый раз всплывает на поверхность в наиболее трудные для России времена. Нынешняя ситуация в стране, где в очередной раз дали "зеленый свет" норманистам и мондалистам — лишнее тому подтверждение. Не менее показательны и другие. Приверженцы "норманнской теории" за последние десятилетия не смогли привести ни одного убедительного аргумента или факта в пользу своей от начала до конца высосанной из пальца "теории". С другой стороны, доводы Ломоносова (а также других отечественных корифеев) и по сей день не утратили своей убийственной силы. Как впрочем, и вся методология или хронология русской истории, начало которой положили В.Н.Татищев, М.В.Ломоносов и В.К.Тредиаковский.

Опубликовано в журнале «Мир Севера» за 1999. № 3-4.

